

УДК 327

ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США

© 2014 г. **И.В. Шумилина***
Институт США и Канады РАН, Москва

После двух десятков лет ограниченных контактов с умеренными исламистами сегодня – на волне происходящей в ряде арабских стран политической трансформации – США переходят к открытому взаимодействию с ними. В Вашингтоне считают, что участие этой политической силы в жизни ещё недавно формально светских арабских государств становится неизбежным.

Ключевые слова: *США, Ближний Восток, Обама, Мурси, исламизм, политическая трансформация, «Братья-мусульмане», прагматизм, радикализм, НКО.*

Эпохальные события на Арабском Востоке, развернувшиеся там три года назад и не окончившиеся поныне, повлекли за собой не только глобальные внутривнутриполитические перемены в самом регионе Ближнего Востока, но и обусловили актуализацию многих вопросов в области глобальных внешнеполитических отношений. В частности, начавшаяся политическая трансформация там высветила по-новому политические силы, оценки влияния которых ранее в среде экспертов России и США находились преимущественно в негативном поле, что диктовалось – возможно, в первую очередь – радикальным потенциалом и нелегитимностью этих сил в самих арабских странах.

Речь идёт о *политическом* исламе, выдвинувшемся в период потрясений «Арабской весны» из ниши полуподпольного функционирования радикальных единоверцев, ещё недавно запрещённых законом («Братьев-мусульман» в Египте, «Ан-Нахда» в Тунисе) в легальный, реально значимый и действенный политический сегмент. Отброшенные событиями «второй волны революции» (смещением президента Мухаммеда Мурси в Египте, массовыми протестными выступлениями в Тунисе) на периферию внутривнутриполитического расклада, исламисты, тем не менее, остаются значимыми внутривнутриполитическими игроками практически во всех арабских странах. Если в Тунисе руководство исламистской партии «Ан-Нахда» пошло на компромисс со светскими партиями в рамках политической реформы (в основном, чтобы избежать египетского сценария полного отстранения исламистов от власти в результате массовых беспорядков и вмешательства армии), то в Египте ситуация с исламистами (ассоциация «Братья-мусульмане») оценивается многими аналитиками как тупиковая.

Действительно, с одной стороны нынешние власти отказываются допустить «братьев» к легальной политической деятельности в новой конфигурации

* ШУМИЛИНА Инна Викторовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: innashu@mail.ru

(в частности, отвергают участие их кандидата в президентских выборах), опасаясь возвращения исламистов к власти и, соответственно, неизбежной «мести» в отношении армейского руководства и нынешнего политического истеблишмента. С другой стороны, сами исламисты не готовы участвовать в политическом процессе, поскольку де-факто такое участие означало бы их согласие на легитимизацию «переворота» (отстранение М. Мурси от власти в июле 2013 г.).

В результате сохраняется противостояние «низкого уровня» между властями и исламистами, которые, судя по всему, рассчитывают свергнуть нынешний режим, опираясь на тот же сценарий, который привел к свержению М. Мурси – выведение на улицы миллионных масс населения, что может привести к расколу в армейской верхушке и т.д. С этой целью «братья» во многом с помощью социальных сетей подстрекают своих сторонников провоцировать беспорядки, а также атаковать, в частности, офицерский состав полиции. Например, одна из таких организованных через сети акций предполагала нападения на автомобили офицеров полиции, их поджоги в расчёте на то, что попытки властей компенсировать пострадавшим сожжённые автомобили наверняка вызовут массовое недовольство среди людей, что побудит их к участию в беспорядках.

В этих условиях власти Египта пошли на решительные шаги и запретили организацию «Братья-мусульмане» (сентябрь 2013 г.), фактически вернули официальный запрет на деятельность ассоциации в стране, существовавший более полувека – до свержения режима Хосни Мубарака.

В отличие от России, где обозначилась политическая активность мусульманских сообществ в регионах, проблематика, связанная с ростом политического ислама, практически не имеет внутреннего измерения в США, являясь частью внешнеполитического комплекса проблем и вызовов. Эта проблематика была на протяжении как минимум двух последних десятилетий важнейшей составляющей ближневосточной политики США. Её значимость резко возросла в период «революционных преобразований» в регионе: накопленный потенциал отношений, в частности, с «Братьями-мусульманами» сыграл амортизирующую роль для американской дипломатии после крушения режима Мубарака и победы на выборах представителей этой исламистской группировки. А поиск контактов с исламистами активизировался в начале 80-х годов ушедшего века – тогда в Тунисе отмечались первые попытки американских дипломатов «выйти» на исламистов [11].

Отношения США с «братьями» в Египте уже давно окутаны пеленой мифов и домыслов: так, сдержанно-положительные оценки Вашингтоном их роли в революционных событиях, формирование ими правительства нередко критикуются оппонентами исламистов из числа египетских либералов и националистов как «проявление поддержки исламистов Штатами» [10]. В самих США отношения с «братьями» также находятся в фокусе экспертных и политических дискуссий, но в рациональном ключе: выиграли или проиграли США от попыток воздействовать на руководителей «Братьев-мусульман» с целью ориентирования их на цивилизованную, умеренную позицию для участия в политической жизни Египта? В этом пункте выводы американских экспертов и политиков расходятся.

Главной точкой отсчёта в эволюции отношений США к исламскому миру, в том числе и к политическому исламу, а также и к организации «Бра-

тья-мусульмане» (в частности, в Египте), принято считать каирскую речь Барака Обамы, в которой он призвал мусульман «перевернуть страницу» в отношениях с США, подчеркнув готовность не навязывать извне, а поддержать внутренние в арабских странах процессы демократизации [15]. По сути, сказано тогда американским президентом было мало нового в сравнении с риторикой его предшественников, но воспринималось это в регионе как стремление Обамы дистанцироваться от «антимусульманской» политики Джорджа Буша-мл. и – как сигнал к форсированному сближению с мусульманским сообществом в целом, возможно, и в ущерб отношениям США с Израилем. Это спровоцировало критическое отношение к речи Обамы в Израиле и в части политического истеблишмента в США [5]. Важно отметить и тот факт, что при выступлении Обамы в зале Каирского университета отсутствовал президент Хосни Мубарак, но специальными приглашёнными были депутаты египетского парламента, связанные с организацией «Братья-мусульмане» [12].

Налаживать же контакты с политическим крылом «Братьев-мусульман» в Египте США начали задолго до прихода администрации Обамы. Во избежание впадения в конспирологию в этом вопросе, важно корректно и рационально расставить акценты – с кем, как и во имя каких целей общались представители США с египетскими «братьями». Попытки таких контактов отмечались в основном с начала 1990-х годов. Именно тогда появились «технические» возможности в виде ряда «доверенных» лиц, возвращавшихся в Египет из Афганистана. Контактывали с американской стороны, по имеющейся информации, в основном представители спецслужб (а не официальные лица) с целью выявления состояния дел в среде «Братьев-мусульман», а также определения степени угрозы, которую «братство» представляло для партнёрского по отношению к США режима Хосни Мубарака. Эти контакты вызывали резко негативную реакцию со стороны египетских властей, опасавшихся, что начатый американцами процесс «знакомства с исламистами» в конечном счёте может привести к постепенной легитимизации «братьев». Поэтому контакты в 1990-е годы были эпизодическими, неофициальными, тайными для общественности в США и Египте, но не секретными для властей Египта – в большинстве случаев американцы доводили до сведения Мубарака свои оценки угроз его режиму со стороны не только «Братьев-мусульман», но и всего спектра исламистских группировок.

Открытые, фиксированные контакты с некоторыми представителями «братьев» (подчёркнём – не с самой организацией), датируются периодом после выборов 2005 г. в Египте, когда «косвенно связанные с «братством» депутаты» (как охарактеризовал их заместитель советника по национальной безопасности при президенте Дж. Буше-мл. Эллиот Абрамс) составляли пятую часть парламента [10, р. 16].

Формально они не представляли «братство», что исключало на тот момент постановку вопроса о легализации этой группировки. Поскольку тогда США достаточно активно убеждали Мубарака в необходимости существенно ослабить барьеры для прохождения в парламент представителей оппозиционных партий, то и появление «контактных персон исламистов» там уместно рассматривать как положительный ответ Мубарака на американскую инициативу. Успех же «братства» на выборах 2005 г. дал повод для обсуждения роли «умеренных исламистов» в политической жизни Египта, в её вероятной демократизации. Многие ведущие «мозговые центры» США начали склоняться к тому,

что игнорирование «братьев» не только неразумно, нерасчётливо, но и непродуктивно для имиджа и политики США в регионе [9].

Отдавая себе отчёт в том, что контакты США с «Братьями-мусульманами» работали на постепенную легализацию этой запрещённой в Египте организации, создавали проблемы в отношениях с режимом Мубарака, многие американские аналитики полагали, что плюсы от этих контактов перевешивали минусы в долговременном плане. А именно: а) общение Госдепартамента с умеренными исламистами вносило раскол в их отношения с радикальными группировками (последние резко критиковали первых); б) это общение создавало давление на режим Мубарака с целью проведения политических реформ; в) контакты с популярными на арабской улице «братьями» работали на снижение уровня антиамериканизма, возросшего после вторжения США в Ирак в 2003 году [11].

Позднее Госдепартамент официально подтвердил факт общения с депутатами-исламистами в период после 2005 г. Первой же публичной встречей с лидером «братства» в египетском парламенте Мухаммедом Саадом аль-Кататни можно считать общение с ним делегаций американских конгрессменов под руководством демократа Стени Хойера (5 апреля 2007 г.) и Дэвида Прайса (27 мая 2007 г.) [13]. Обозначившееся в тот момент повышение уровня контактов официальных лиц США с «легальными исламистами» начало вызывать нескрываемое раздражение и недовольство со стороны Мубарака [8]. Последующие публичные контакты официальных лиц США с «братьями» относятся уже к периоду после свержения Хосни Мубарака.

Напомним, что в 2007 г. египетские власти де-факто приостановили действие на территории страны американской программы «Повестка дня по продвижению демократии» (*Freedom Agenda*), на базе которой различные институты в США открыли свои филиалы в Каире, предоставляя ощутимую финансовую и консультативную помощь местным НКО – в основном либеральной направленности.

При этом важно подчеркнуть, что исламисты практически не пользовались услугами этих американских центров. На фоне масштабов взаимодействия этих центров с либеральной оппозицией в Египте контакты американцев с исламистами там выглядели достаточно ограниченными. Формально данные контакты между США и организацией «Братья-мусульмане» при президенте Дж. Буше-мл. не поддерживались, а носили скорее характер «межпарламентских связей», т.е. по сути маскировались под взаимодействие с парламентами различных политических сил.

С учётом этого заявление администрации Обамы от 1 июля 2011 г., которое давало «зелёный свет» для начала «ограниченных контактов» США с организациями, непосредственно аффилированными с «Братьями-мусульманами» в Египте и Тунисе, было воспринято республиканцами в США весьма критично [24]. Видные представители истеблишмента Республиканской партии в США сочли данный шаг Обамы поспешным и проигрышным для американской политики в регионе, поскольку такой поворот мог подорвать доверие к Вашингтону со стороны армейского руководства и либеральных политиков в Египте и Тунисе [8].

Примечательно замечание на сей счёт известного аналитика-ближневосточника Джона Альтермана из Центра стратегических и международных ис-

следований в Вашингтоне, приглашённого Белым домом для консультаций накануне падения режима Мубарака, утверждающего, что администрация Обамы «не видела драматизма в том, что на смену Мубараку придут исламисты из “Братьев”», считая, что это не вредит долгосрочным интересам США в этой стране. Он, в частности, отметил, что «сотрудники администрации не выглядели озабоченными тем, что исламисты могут войти в политическую жизнь Египта» [18]. «Нет никакого страха перед тем, что участие исламистов в правительстве может работать против интересов США в этой стране – пояснил Альтерман. Более того, есть понимание того, что интересы США диктуют необходимость участия исламистов в политике наряду с другими силами... В Белом доме признают, что политическая жизнь в Египте должна отражать положение дел в обществе. Настаивать на утверждении светских авторитарных режимов уже не в долгосрочных интересах США, равно как и самого Египта» [18].

Понятно, что Обама – в отличие от Дж. Буша-мл. – столкнулся с новой реальностью – «Арабской весной», которая, по сути, легализовала весь исламистский политический сегмент (как умеренных, так и радикалов); по-видимому, по этой причине в риторике Белого дома после 2011 г. не делалось раздельного акцента на «умеренных исламистов» и «радикальных». Между тем акцент на разделение этих двух категорий исламистов был важным элементом в риторике администрации Буша-мл. Так, выступая с ежегодным посланием «О положении страны» перед обеими палатами Конгресса США 31 января 2006 г., Дж. Буш-мл. подчеркнул, что «одним из главных источников» реакции и противодействия силам демократии в современном мире является «радикальный ислам». И добавил, что лица, придерживающиеся радикальных мусульманских вероучений, «стремятся установить силой бессердечную систему тоталитарного контроля на всём Ближнем Востоке» и заполучить «оружие массового уничтожения. С ними, заявил президент США, необходимо вести борьбу на уничтожение» [14]. В связи с этим он призвал власти Египта, где накануне прошли первые выборы на многопартийной основе, дать возможность появлению «мирной оппозиции, которая сократит притягательность радикализма». Буш напомнил тогда, что «палестинцы проголосовали (на парламентских выборах. – *И.Ш.*) и теперь лидеры (победившего на них) движения ХАМАС должны признать Израиль, разоружиться, отказаться от терроризма и работать над достижением прочного мира». И даже упомянул в этом ряду Саудовскую Аравию, которая, по его словам, «сделала первые шаги в области реформ – теперь король может предложить своему населению более светлое будущее, продолжая начатые усилия». Заключил Буш своё выступление важным тезисом: «Демократии на Ближнем Востоке не будут выглядеть как наша, поскольку будут отражать традиции местных жителей. Тем не менее, свобода – это будущее каждого государства на Ближнем Востоке, потому что свобода – это право и надежда всего человечества» [14].

После сентябрьских выборов 2011 г. в парламент Египта Вашингтон выстраивает регулярные контакты с победившими исламистскими группировками, но опять же – формально – не с организациями «Братьев-мусульман» или салафитскими ассоциациями, а с их легальными политическими крыльями в виде партийных структур: созданной в апреле 2011 г. (и производной от ассоциации «Братьев-мусульман») Партией свободы и справедливости (ПСС) и производной от салафитских группировок партией «Ан-Нур». Впрочем, ещё

накануне выборов госсекретарь Х. Клинтон пояснила, что в интересах США взаимодействовать со всеми партиями в Египте, но при этом будут учитываться приверженность этих партий принципам демократии, ненасилия, уважения прав женщин и меньшинств [16].

Однако после выборов эта формула была несколько прокорректирована – посол США в Каире Энн Петерсон уточнила, что «США будут взаимодействовать с “любой партией”, за которую проголосуют египтяне» [19]. На деле спустя месяц после сентябрьских выборов высокопоставленные американские чиновники (Х. Клинтон, её заместитель У. Бернс, шеф Пентагона Л. Панетта, а также бывший президент Дж. Картер) начали контактировать с исламистами чаще, чем с другими партиями, причём не только с руководством ПСС, но и с лидерами «Братьев-мусульман». Эти факты расценивались аналитиками как свидетельство того, что в Вашингтоне начали воспринимать «братьев» в качестве «ключевой силы в постмубараковском Египте» [7].

В реальности ставка на исламистов как на «победителей в выборах», обернулась для администрации Обамы ощутимым негативом: Вашингтон автоматически попал под шквал критики со стороны своих «более естественных» партнёров в Египте – либеральных партий, а также и со стороны своих политических оппонентов в самих США – республиканцев и израильских лоббистских структур. Египетские либералы упрекали Обаму чуть ли не в «навязывании египтянам власти исламистов» [1], а республиканцы и часть конгрессменов-демократов – в утрате инициативы в ближневосточных делах, в проявлениях слабости и непоследовательности, подрывающих авторитет и позиции США в Египте и в регионе [2].

С ноября 2012 г. критика египетских либералов и республиканцев в США фокусировалась на таком чувствительном нюансе, как отсутствие демократичности исламистов во власти. И те, и другие утверждали, что в своём прагматичном порыве содействовать стабилизации положения в Египте ставкой на исламистов команда Обамы отошла от ориентации на базовые ценности американской политики: команда Мурси и «Братья-мусульмане» в целом, подчёркивали критики, всё очевиднее проявляли себя не как сторонники демократии, а как «угроза демократии» в Египте, «использующие демократические механизмы для достижения своих теократических целей» [3].

После же отстранения генералитетом Мухаммеда Мурси от власти оппоненты Обамы в Египте и в США обрушились на него с ещё большей критикой в связи с нерешительностью и колебаниями Белого дома в оценке произошедшего и последующих развернувшихся драматических событий в крупнейших городах страны. Показательно, что в политических кругах Вашингтона практически не раздавались голоса в поддержку именно Мурси и «Братьев-мусульман»: дискуссии развернулись вокруг вопроса – поддержать действия военных в Египте решительно или сделать это с определёнными оговорками (призывами к прекращению насилия, за которое частично возложить ответственность и на армейское руководство) или отказать армии в поддержке, свернуть выделяемые ей средства (1,3 млрд. долл.) на период до «восстановления гражданского правления после выборов». При достаточно широком разбросе мнений в этой парадигме водораздел оценок и позиций проходил не столько по партийной линии (республиканцы – демократы), сколько по центрам влияния: консервативно ориентированные центры, а также крупнейшие организации, связанные с

Ближним Востоком (по сути – составные части лоббистских структур Израиля и арабских монархий Залива), настаивали на поддержке армии в Египте с большими или меньшими оговорками относительно необходимости восстановления демократических процедур и гражданского правления, видя в этой позиции «второй шанс» для восстановления влияния США в Египте [4, р. 19]. Правозащитные организации и либерально настроенные группы интеллектуалов склонялись к необходимости «наказать» армейское руководство.

Администрация Обамы довольно долго занимала промежуточную позицию в оценках событий в Египте – выражая обеспокоенность «смещением избранного президента», но не называя это «военным переворотом». Это позволяло Белому дому не сворачивать помощь Египту. При этом акцент в риторике Обамы делался на необходимости соблюдения «дорожной карты» для проведения выборов в начале 2014 г. Д. Росс, бывший член администрации Обамы, а ныне сотрудник Вашингтонского института Ближнего Востока, объяснил причины такого подхода следующим образом: «Президент Мухаммед Мурси и “Братья-мусульмане” проявили себя во власти как новые автократы... Теперь мы должны делать акцент на необходимости утверждения вызывающего доверие политического процесса, который предполагает определение точной даты выборов нового президента, обеспечение согласованного участия политических сил в составлении новой конституции. Этот процесс закладывает основу для выборов, из которых должны быть исключены только те, кто призывает к насилию. Переходное правительство должно также заняться экономикой, не откладывая эти проблемы на период после выборов» [5].

Между тем, 10 октября 2013 г. администрация Обамы всё-таки приняла решение временно (до выборов) приостановить оказание Египту военной и финансовой помощи [20], что усилило критику администрации со стороны ряда влиятельных конгрессменов: последние, как и немалая часть «мозговых центров» в Вашингтоне полагали, что тем самым Обама «толкает Египет в объятия России» (Абдель Фатах Ас-Сиси, министр обороны и де-факто самое влиятельное лицо в правительстве Египта, действительно посетил Москву в феврале 2014 г., оговорив возможные контракты по поставкам российских вооружений на сумму порядка 2 млрд. долл. [21]).

Администрация Обамы, судя по всему, предвидела перспективу такого развития событий, чреватую вероятностью утраты стратегического влияния США в Египте, но всё же предпочла приоритет в виде приверженности демократическим ценностям, настаивая на скорейшем проведении президентских и парламентских выборов в Стране пирамид, восстановлении там полной легитимности власти, после чего заявила о готовности возобновить военную помощь в полном объёме. Находясь в Каире в ноябре 2013 г., госсекретарь Дж. Керри обратился к своим египетским партнёрам с многозначительной фразой, ставшей впоследствии «крылатой»: «Вы должны помочь нам, так помогите себе!» [8]. Как выяснилось позднее, расходы на оказание военной помощи Египту уже закладывались в бюджет США в ноябре – декабре 2013 г.: в январе Конгресс утвердил выделение Египту обычных 1,5 млрд. долл. военной помощи, но при условии, что реальные выплаты будут произведены только после подтверждения госсекретарем эффективного процесса продвижения Египта в направлении восстановления демократии в этой стране [22].

Подводя итоги, выделим главное: усиление роли политического ислама в арабских странах воспринимается в Вашингтоне как категория внешнеполитических вызовов Соединённым Штатам, к которой уместно применять прагматический подход. При этом, исходя из того, что усиление роли исламистов стало неизбежным фактором политических преобразований в арабском мире, следует учитывать его значимость при разработке вариантов ближневосточной стратегии. Прагматизм американского истеблишмента в этом плане надо, на наш взгляд, понимать как необходимость для США априори определять для контактов умеренные круги в исламистском сообществе и при определённых условиях поощрять их включение в легальную политическую жизнь той или иной арабской страны. Очевидно, что Вашингтон не готов делать ставку только на исламистов – в ущерб светским политическим силам там. Константой политико-идеологической установки США (независимо от партийной принадлежности главы Белого дома) является фокусирование на создании и запуске демократических механизмов в странах, подвергшихся политической трансформации. В случае с Египтом политико-идеологическая составляющая американской стратегии явно подчинена геополитическому расчёту, поскольку Египет рассматривается в Вашингтоне как ключевой элемент конструкции военно-политического присутствия США в регионе.

В Вашингтоне считают целесообразным и продуктивным устанавливать отношения с базовыми исламистскими организациями, а не только с их легализованными «спутниками» в виде партий, но это делается только в отношении тех структур, которые американские аналитики расценивают как умеренные. Этот процесс налаживания отношений достаточно противоречив прежде всего в силу того, что идеологическая база даже умеренных исламистов содержит серьёзные установки в духе антизападничества и антиамериканизма, что вынуждает, в частности, активистов «братьев» маскировать многие контакты с американцами, чтобы избежать критики в собственных рядах. Американцы также предпочитают не выставлять напоказ эти контакты, чтобы не отталкивать от себя политических оппонентов исламистов из числа светских и либеральных партий в Египте.

На данном этапе (после свержения Мурси) наработанные контакты Вашингтона с умеренными исламистами свидетельствуют скорее об озабоченности в отношениях новых властей Египта с США, чем способствуют их позитивному развитию.

Подчёркнём для сравнения важное отличие американского и российского подходов к проблеме общения с исламистами в странах «Арабской весны»: если Москва проявляет готовность налаживать связи с «легальными исламистами», считая их частью «новых арабских элит», но не с базовыми организациями исламистов типа «Братья-мусульмане», законодательно определённых в список террористических на территории России, то Вашингтон, похоже, идёт дальше, устанавливая «рабочие контакты» всех уровней с исламистскими группировками умеренной направленности.

С избранием Абдель Фаттах ас-Сиси президентом Египта в мае 2014 г. и запретом деятельности «Братьев-мусульман» в стране подходы США и России к проблеме контактов с «братьями», скорее всего, будут подвергнуты существенной корректировке. Если Москва в состоянии вполне безболезненно прекратить такого рода контакты, то Вашингтон, скорее всего, сохранит критиче-

ское отношение к линии новых властей Египта на полный запрет ассоциации «Братья-мусульмане».

Список литературы

1. *Badr A.* The Future of U.S.-Egypt Relations // Fikra Forum. 6.09.2013 (<http://fikraforum.org/?p=3664>).
2. *Bolton J.* Obama's Reckless Foreign Policy is Off-handed and Heedless of Real-world Consequences // The Pittsburgh Tribune-Review. 13.05.2013.
3. *Bolton J.* A Threat to Liberty: Muslim Brothers' Agenda // The New York Post. 30.07.2013.
4. *Bolton J.* The U.S. Should Back the Army // The Wall Street Journal. 21.08.2013.
5. Democracy in Egypt Needs More than an Election // USA Today. 5.07.2013.
6. Egyptians Following Right Path, Kerry Says // The New York Times. 3.11.2013.
7. Interview with U.S. Official. Washington, D.C. 1.03.2012.
8. *Gharib A.* Bush Admin Talked With Muslim Brotherhood, But Rove Says Obama's Outreach Makes 'America Look Weak' // Think Progress. 1.07.2011.
9. *Hamzawy A.* The Key to Arab Reform: Moderate Islamists. Carnegie Endowment for International Peace. August, 2005.
10. *Hoffman B.* Walid Phares: Egyptians Mad at U.S. Embrace of Muslim Brotherhood // Newsmax. 14.08.2013.
11. *Lake E.* Look Who's Talking, What America Learned from Speaking to the Muslim Brotherhood // New Republic. 3.03.2011. P. 16.
12. *Leiken R.S., Brooke S.* The Moderate Muslim Brotherhood // Foreign Affairs. March/April 2007.
13. Muslim Brotherhood Members to Attend Obama's Cairo Speech // Fox News. 3.06.2009.
14. President Bush Delivers State of the Union Address. The White House. 31.01.2006 (<http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/01/20060131-10.html>).
15. President Obama's Speech in Cairo: A New Beginning. Al-Azhar University, Egypt. 4.06.2009 (<http://www.whitehouse.gov/blog/NewBeginning/transcripts>).
16. Remarks Hillary Rodham Clinton with Hungarian Prime Minister Viktor Orban. U.S. Department of State. 30.06.2011.
17. U.S. Reaches Out to Islamist Parties // The Wall Street Journal, 1.07.2011
18. U.S. Reviews Relationships with Muslim Brotherhood // NPR. 09.02.2011.
19. U.S. Respects the Egyptian People's Choices: American Ambassador // Al-Ahram Online. 14.12.2011.
20. U.S. to Cut Some Military Aid to Egypt After Coup, Turmoil // CNN. 9.10.2013.
21. *Vick K.* Russia's Putin Endorses al-Sisi as Egypt's Next President // Time. 13.02.2014.
22. *Zengerle P.* U.S. Spending Bill Restores Aid to Egypt, Includes \$1.5 Billion // Reuters. 14.01.2014 (<http://www.reuters.com/article/2014/01/14/us-egypt-usa-aid-idUSBREA0D16Z201401140>).